

*А.В. Ломанов**

**Либерализм и национализм
в спорах китайских интеллектуалов
о демократии и диктатуре (1933–1934)****

АННОТАЦИЯ: В статье рассматривается содержание полемики 1933–1934 гг. о выборе политической модели в интересах укрепления единства Китая и создания условий для развития страны. Либералы считали возможным заимствовать западную демократию, их оппоненты призывали опереться на диктатуру «нового типа». Дискуссия продемонстрировала невозможность копирования в Китае иностранного политического опыта.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: республиканский Китай, политическая система, Ху Ши, Цзян Тинфу, Дин Вэньцзян.

Дискуссия о демократии и диктатуре, участниками которой были влиятельные представители китайских интеллектуальных кругов, продолжалась с декабря 1933 по январь 1935 гг. Материалы обсуждения позволяют понять, с помощью каких критериев китайская образованная элита оценивала перспективы использования различных политических систем. Особый интерес представляет аргументация сторонников «диктатуры», основанная на понимании исторически обусловленной специфики страны и стоящих перед ней неотложных задач.

Заметное место в ходе полемики занимали публикации либерального мыслителя Ху Ши, выступавшего с критикой защитников «диктатуры». Хронологически его спор с Цзян Тинфу совпадает с началом дискуссии, а спор с Дин Вэньцзяном — с её завершением. Знакомство

* Ломанов Александр Владимирович, Институт Дальнего Востока РАН, Москва, Россия; [E-mail: a_lomanov@hotmail.com](mailto:a_lomanov@hotmail.com)

** Подготовлено при поддержке РГНФ, проект №14-01-00295 «Китайский либерализм XX века: западное влияние и традиционная культура».

с доводами обеих сторон и с ответами на критику позволяет глубже понять эволюцию подходов китайских интеллектуалов к вопросам политической модернизации страны.

Спор Ху Ши и Цзян Тинфу

Исходной точкой дискуссии стала публикация известного историка и дипломата Цзян Тинфу, в то время профессора Университета Цинхуа (о его дипломатической и общественной карьере см. [2], о его вкладе в историческую науку см. [3]). В декабре 1933 г. Цзян Тинфу опубликовал статью «Революция и диктатура» [12], в которой выступил против политического хаоса в поддержку национального единства. Публикация появилась на фоне Фуцзяньского восстания, когда руководство 19-й армии при поддержке оппозиционных политических сил провозгласило 21 ноября создание «народно-революционного правительства». По мнению Эдмунда Фунга, в статье учёный «подсознательно реагировал на восстание» [5, р. 100], доказывая, что самой главной проблемой Китая является отсутствие единства, и эта проблема создана не столько милитаристами, сколько порождена обстоятельствами, в том числе «китайским партикуляризмом» и отсталостью страны.

Цзян Тинфу констатировал, что каждый раунд гражданской войны в Китае создаёт условия для вмешательства иностранцев, приводит к утрате суверенитета и территорий. Обратившись к истории зарубежных стран — Англии, Франции и России, он пришёл к выводу, что изначально их положение напоминало ситуацию в современном Китае, когда был «внутренний хаос и не было революции». Изменения в этих странах наступили после воцарения династий Тюдоров, Бурбонов и Романовых. Вот что, по его мнению, произошло потом в России: «После 300 лет абсолютизма Романовых, Ленин и Троцкий смогли начать свое великое дело. Люди знают, что Ленин сверг династию Романовых и не замечают, что династия оставила революционерам драгоценное наследие. Во-первых, за триста лет Россия из династического государства превратилась в национальное государство. Революция уже не могла привести к порочной практике раздробленности. Во-вторых, абсолютизм династии Романовых взрастил класс интеллигенции, которая могла стать центром новой политической власти. В-третьих, эпоха абсолютизма повысила уровень материальной цивилизации России, поэтому помогавшие белогвардейцам иностранцы были беспомощны» [12, с. 14].

Эти рассуждения указывали на слабые места китайской политики того времени. По мнению Цзян Тинфу, маньчжурская династия оставила после себя плохое наследие, которое невозможно использовать

как революционный «капитал». Прежде всего, Китай остался династийным государством (朝代国家). Национальным государством (民族国家) он не стал, поэтому среди китайцев преобладает преданность индивиду, семье или месту, но не государству. Далее, монархия не оставила класса, который мог бы стать центром новой политической власти. Когда династия рухнула, страна превратилась в кучу рыхлого песка. В-третьих, при китайской абсолютистской системе материальная цивилизация осталась крайне отсталой. Как только начинается революция, иностранцы сразу же получают возможность извлекать выгоду, а у Китая возможности сопротивляться нет.

На основании исторического сопоставления учёный заявил, что все страны проходят через два этапа — сначала нужно строить государство, и лишь потом использовать государство для реализации помыслов о счастье. Пока в Китае не будет сделан первый шаг, о втором говорить не приходится. Цзян Тинфу сослался на западный афоризм «лучшее — враг хорошего» и заявил, что главным препятствием на пути строительства государства в Китае является «так называемая революция». Он призвал поддерживать благоприятные для создания государства усилия по установлению единства и отбрасывать заражающие государственное тело бактерии разрушения единства. Учёный заключил, что сегодняшний вопрос — это существование государства, а не выбор типа государства.

Эта публикация привлекла внимание Ху Ши, ответившего в журнале *Дули тинлунь* [9; 10]. Он поставил три вопроса, ставящие под сомнение концепцию Цзян Тинфу. Является ли абсолютизм обязательным этапом строительства государства? Китай жил в условиях императорского абсолютизма несколько тысячелетий, так почему же историческая миссия строительства государства не была реализована в прошлом и национальное государство не возникло? И если в прошлом китайский абсолютизм не выполнил свою задачу, нужно ли стране вновь вставать на этот путь и стремиться к диктатуре нового типа?

Ху Ши указал, что проведённое Цзян Тинфу историческое сопоставление выглядит слишком упрощённо. Можно говорить о том, что при Тюдорах, Бурбонах и Романовых в Англии, Франции и России происходило строительство государства. Однако нельзя утверждать, что государства были созданы благодаря абсолютизму. В частности, на примере Англии можно выделить другие важные компоненты строительства национального государства, среди которых создание новой литературы на английском языке, развитие ткацкой промышленности, рост влияния университетов, появление среднего сословия общества. Возможно, Цзян Тинфу хотел убедить читателей лишь в том, что единая политическая власть является

обязательной предпосылкой строительства государства. Однако он использовал слово *чжуаньчжи* («абсолютизм, диктатура») как характеристику единства политической власти, что побуждает людей к движению по пути неограниченной диктаторской политики (*дуцай чжэнчжи*). По мнению Ху Ши, лучше говорить не о том, что диктатура является необходимым этапом строительства государства, а что единая политическая власть является условием строительства государства, поэтому для установления в Китае единой политической власти «нет нужды полностью учиться диктаторской политике династии Романовых» [10, с. 369].

В ходе спора Ху Ши заявил, что национальное государство возникло в Китае несколько тысячелетий назад. Он утверждал, что строительство государства в республиканском Китае опирается на ценный капитал, унаследованный из прошлого — на самосознание национального государства. Наибольший вклад в его формирование внесли четыреста лет политического единства при двух династиях Хань и ещё триста лет единства при династии Тан. Эти две династии вырастили концепцию целостности китайской нации. Тексты, оставленные людьми, преданными династиям Сун и Мин после завершения их правления, заявляют о верности двору и государю, но они были конкретными воплощениями национального государства. А вот после падения иноземных монгольской и маньчжурской династий таких сожалений не было, и это также свидетельствует, что Китай уже был национальным государством.

Суждение Цзян Тинфу о том, что китайцы хранят верность человеку, клану и месту, но не государству, для Ху Ши служило лишь указанием на специфику старого общества и его политики. В прошлом власть не могла непосредственно дойти до обычного народа, когда «небо высоко и император далеко» лишённые глубоких знаний люди не могли выйти за пределы повседневного окружения и выражать верность абстрактному государству. Он сослался на мнение британского политика XVIII в. Эдмунда Берка, полагавшего, что от людей можно требовать любви к государству лишь если оно достойно такой любви. Ху Ши заметил, что ныне обычные люди не могут любить государство — отчасти потому, что народ недостаточно образован, отчасти из-за того, что государство немилостиво к народу.

Ху Ши согласился с тем, что императорская система не оставила республике социальный класс, способный стать сердцевинной новой политической власти. Это затрудняет задачу создания в Китае государства, способного выстоять в современном мире. Отставание в материальной сфере связано, прежде всего, с недостатком кадров и знаний, оно не служит свидетельством того, что Китай не является националь-

ным государством. Таким образом, единая политическая власть не обязательно опирается на диктатуру, а «строительство государства» не означает строительства в Китае национального государства.

Мыслитель признал, что за прошедшие после Синьхайской революции два десятилетия политические настроения в Китае изменились, и если тогда самым привлекательным строем была демократия, то теперь парламентаризм считают порождением капитализма, возникла мода на авторитаризм и диктатуру. Ху Ши заявил, что не видит в Китае человека, партию или класс, способных осуществлять диктатуру. Если для республики нужен сравнительно высокий уровень познаний, то диктатуре политической опеки требуются настоящие таланты. Он напомнил слова Конфуция: «Быть правителем очень трудно, и сановником быть также нелегко. Если правитель понимает трудности управления ... — не близко ли это к тому, когда одним словом можно достичь процветания страны?» (为君难, 为臣不易。如知为君之难也, 不几乎一言而兴邦乎? *Лунь юй*, XIII, 15 [4, с. 390]).

Ху Ши хотел подчеркнуть, что сторонники диктатуры не отдадут себе отчёта в трудности избранного ими политического пути. Обратившись к иностранным примерам, он заявил, что Наполеон и Фридрих Великий были выдающимися людьми, Ленин и Сталин — «таланты с богатыми знаниями и опытом», успех ВКП(б) «не был случайным и внезапным, он произошёл из изучения и подготовки в европейской цивилизации более чем за сто лет» [9, с. 376]. Акцент на высоком профессионализме диктатуры привёл к выводу, что итальянский фашизм также не является случайностью, поскольку «на маленьком полуострове» можно найти очень старые университеты, некоторым из них под тысячу лет. А вот в Китае пока не видно «нового Чжугэ Ляна» и способных взять на себя бремя осуществления диктатуры десятков тысяч людей со специальной подготовкой.

Более того, в Китае нет лозунга, способного сплотить народ вокруг диктатуры. В Советской России, Турции, Италии, Германии такие лозунги есть, они способны будоражить сердца людей, поднимать молодёжь, служить прочным фундаментом для политической власти. В Китае лозунги борьбы против маньчжуров либо империалистов уже устарели, призыв к «сопротивлению Японии и спасению государства» может вызывать энтузиазм ещё в течение года. По мнению Ху Ши, даже самая непосредственная и понятная проблема спасения государства не в состоянии помочь сплотить партии, объединить расколотое государство.

На основании наблюдений за мировой политикой Ху Ши сделал вывод, что демократическое конституционное правление — это наиболее детский (*幼稚*) политический строй, который больше всего

подходит нации с недостатком политического опыта в период опеки. В США и Англии в парламентах заседают обычные люди, а не выдающиеся таланты. Демократическая политика опирается на обычные знания, тогда как просвещённая диктатура — это особо выдающаяся (英杰) политика. Поскольку Китаю недостаёт подготовленных кадров, лучше выбрать демократический тип политического устройства, не требующий незаурядных знаний и способностей.

Ху Ши заключил, что Китаю нужно пройти «самую детскую политическую школу» демократического конституционного правления. По его словам, через 30–50 лет демократической подготовки у страны может появиться шанс на осуществление просвещённой диктатуры [9, с. 378]. Иными словами, диктатура может появиться лишь после достижения нацией политической зрелости. Идея «детской простоты» демократии вызвала у современников критические отклики. Они поставили под вопрос гипотетическую траекторию движения от демократии к диктатуре по мере накопления политического опыта, а также мысль о том, что демократический консенсус между властью и народом может быть достигнут в Китае столь легко [14, с. 334, 335].

Ответ Цзян Тинфу [13] открывался не сопоставлениями демократии и диктатуры, а констатацией того, что национализм превратился в предыдущее столетие в общемировую тенденцию. Благодаря национализму Германия и Италия обрели единство, уже единые государства повысили уровень централизации власти, это произошло в Японии и США. Революции в России, Германии и Франции помогли укрепить центральную власть, но в Китае революция привела к её утрате. Учёный заявил, что в Китае нет понимания собственной политики, «обсуждаем западный либерализм и представительную систему, коммунизм и систему партийной власти, но чем больше обсуждаем западные „-измы“ и системы, тем больше беспорядка в собственном государстве, тем больше раскол. Западная политика и китайская политика — это две разные вещи» [13, с. 27].

Обличая китайских милитаристов и неоправданно терпимое к ним отношение, какого не должно быть в национальном государстве, Цзян Тинфу обратился к истории гражданской войны в России — крупной стране, которая вполне может быть сопоставлена с Китаем. По мнению учёного, русские революционеры и контрреволюционеры не стремились к установлению раздробленности. В частности, «вождь белой партии» Колчак мог установить свою власть в Сибири — «с точки зрения китайских милитаристов разве это не очень хорошее место?». Однако ему объяснили, что этот план, противоречащий русской истории и воле русского народа, неосуществим. Противостоявшие друг другу белые и красные были за неделимую Россию, они не пошли на то, чтобы ради осуществления «-изма» разобщить страну. «В Китае и

России идеология народа разная: в голове у китайцев границы провинций, в голове у русских границ провинций нет» [13, с. 28].

Вновь подчеркнув традиционную приверженность китайцев земляческим связям и порождённую бедностью готовность за небольшие деньги воевать с соотечественниками в интересах милитаристов или японцев, учёный заявил, что разобщённость порождена условиями среды, никакая пропаганда тут не поможет. Прежде всего, необходимо создать центральное правительство, с появлением которого возникнут условия для модернизации, прогресса образования, промышленности и торговли, транспорта. Учёный не требовал создания «просвещённого» высокоцентрализованного правительства, которое сможет возглавить модернизацию — будет достаточно, если центральная власть обеспечит в стране спокойствие, в этом случае во главе движения за модернизацию встанут негосударственные силы.

Проблема в том, как этого добиться. По мнению Цзян Тинфу, Ху Ши вместо диктатуры нового типа предложил идеальный план, опирающийся на «либерализм викторианской эпохи» и представительную систему. Однако в реальности этот план неосуществим. Китадцам не нужны выбранные депутаты, «депутаты тоже не представляют никого из людей». Слабый и лишённый поддержки парламент не сможет своими постановлениями ликвидировать власть милитаристов. Поэтому единственным методом перехода к централизованной власти является личная диктатура (个人专制).

Цзян Тинфу заявил, что установление «большой диктатуры» поможет устранить многочисленные «малые диктатуры» на уровне городов и провинций. Народ поймёт, что «большая диктатура» направлена не против него, а против «милитаристов второго сорта» и «малых диктатур», которые враждебны народу. Поскольку у китайцев личной преданности больше, чем преданности обществу, установление личной диктатуры поможет объединить страну, сплотив людей вокруг вождя. Критика новой диктатуры со ссылкой на исторический опыт старого Китая неуместна, поскольку за два тысячелетия императорского абсолютизма политический строй и национальная специфика оставались прежними, среда также одинаковая. Всё изменилось после того, как иностранцы принесли в Китай науку и технику. «Никакая диктатура от этих двух вещей не захочет и не сможет отказаться. Пусть правительство полностью следует недеянию и только поддерживает порядок, эти две вещи преобразуют Китай и дадут ему новую жизнь» [13, с. 30].

Спор Ху Ши и Дин Вэньцзяна

Ху Ши вернулся к обсуждению демократии и диктатуры в декабре 1934 г. Поводом для написания статьи стала совместная телеграмма

Чан Кайши и Ван Цзинвэя от 27 ноября, в которой было заявлено, что в Китае «нет необходимости и возможности» воспроизвести политической строй России. В тот же день Чан Кайши заявил японскому журналисту, что «национальная специфика Китая отличается от Италии, Германии и Турции, поэтому необходимости в диктатуре нет» [11, с. 501].

Процитировав заявления гоминьдановского руководства, Ху Ши подверг критике интеллектуальных защитников «диктатуры» Цянь Дуаньшэна и Цзян Тинфу. Он повторил свои прежние доводы и развил их. В частности, он пояснил, что «демократическая политика — это детсадовская политика (幼稚园的政治)», а «современную диктатуру можно назвать политикой академического уровня (研究院的政治)» [11, с. 504]. Чтобы продемонстрировать невозможность создания в Китае «новой диктатуры» советского образца, Ху Ши привёл информацию о том, что в плановых органах и промышленности СССР работают десятки и сотни тысяч квалифицированных специалистов. В частности, он сослался на сообщение побывавшего в 1933 г. в СССР Дин Вэньцзяна о том, что в советском ведомстве геолого-разведки работают три тысячи геологов и две тысячи полевых сотрудников. Общий вывод остался неизменным — «у Советской России и Италии учиться нелегко» [11, с. 505], там давние и прочные университетские традиции, каких нет в Китае, а без собственной базы подготовки специальных и руководящих кадров за создание диктатуры лучше не браться.

Учёный-геолог и общественный деятель Дин Вэньцзян откликнулся на эту статью выступлением в пользу «диктатуры». Отталкиваясь от рассуждений Ху Ши о невозможности диктаторского правления в Китае, Дин Вэньцзян указывал, что степень неосуществимости демократии ещё выше. Среди китайского населения уровень неграмотности составлял 70–80%, что делало невозможным проведение всеобщих выборов. Да и на Западе, на что указывали видные интеллектуалы Герберт Уэллс и Бертран Рассел, простой народ не участвует в политике. Люди там политикой не интересуются, они предпочитают чтение спортивных новостей и детективов, к тому же их всё чаще обманывает пропаганда.

Дин Вэньцзян отверг тезис Ху Ши о том, что «детская политика» демократии подходит нациям без политического опыта. В реальности всё наоборот. Демократическая политика развивается в западных странах, где у наций больше всего политического опыта. Напротив, в странах, где такого опыта нет (Россия, Германия, Италия), от демократии отказались. Не стоит надеяться на то, что при демократии чудесным образом «два вонючих сапожника превзойдут

Чжугэ Ляна», поскольку квалифицированные кадры одинаково нужны любому современному государству, демократическому или диктаторскому. Для демократии нужно то же самое, чего недостаёт для введения диктатуры — всеобщего образования, развитого транспорта, полноценных партий, изобильной экономики. Так что Китаю «учиться у Англии, Франции и Америки будет ещё труднее, чем у Советской России и Италии» [6, с. 123].

Поскольку в условиях революции и гражданской войны о демократии говорить не приходится и диктаторская политика всё равно неизбежна, Дин Вэньцзян призвал строить в Китае диктатуру «нового типа». По его словам, лидер «новой» диктатуры должен полностью думать об интересах государства, до конца понимать суть модернизации государства, привлекать кадры специалистов со всего Китая, а также использовать стоящие перед страной трудные проблемы для того, чтобы обратиться к чувствам и разуму пригодных к участию в политике людей по всей стране, побудить их встать под одно знамя. «Я уже говорил, что ныне подобная диктатура в Китае ещё невозможна. Но мы должны стараться в самый короткий срок добиться перемен и сделать её возможной. В качестве первого шага следует отбросить призывы к демократической политике» [6, с. 124].

В ответ Ху Ши заявил, что сильно разочарован выступлением Дин Вэньцзяна, не понявшего сущность англо-американской демократической политики. Её достоинство в том, что между чтением спортивных новостей и детективов простые люди могут прийти в назначенное время на избирательный участок и пару минут подумать о делах государства. Они вовсе не так глупы — несмотря на политическую пропаганду, ни одна партия в Англии не может править бесценно. К тому же при диктатуре обманывающей людей пропаганды намного больше. При демократии на выборах можно сказать «да» или «нет», а при диктатуре «нет» сказать нельзя, и в этом случае Дин Вэньцзяну останется воскурять благовония и просить Небо о том, чтобы вождь обладал «полнотой знания и полнотой морали» [8, с. 530]. По мнению Ху Ши, успех диктатуры во многом зависит от нескольких миллионов посредственных людей, которые состоят в правящей партии. Он предупредил, что воспевать диктатуру опасно, и если Китай согласится пойти по пути диктатуры, вместо диктатуры нового типа будет безжалостная к людям старая диктатура [8, с. 531].

Отклик Дин Вэньцзяна был посвящён оценке позиции Ху Ши и ряда других участников дискуссии, включая Тао Мэнхэ и У Цзинчао. Он обоснованно указал, что сторонники демократии говорят лишь об успехах демократии на Западе, о её теоретических и ценностных достоинствах, не углубляясь в вопросы её практического осуществления

в Китае. Рассуждения о том, что диктаторские режимы появились в Европе ответ на кризис, не могут обосновать неприемлемость диктатуры для Китая, где кризис, по мнению Дин Вэньцзяна, намного тяжелее, чем в Европе. По его мнению, Ху Ши заблуждается в том, что создание диктатуры нового типа приведёт к возрождению старой диктатуры — это нынешняя власть Гоминьдана выросла из «старой диктатуры». В условиях сильного давления извне Китай не может прибегнуть к революции, столь же нереально уповать на продвижение к демократии через развитие образования. «Единственная надежда состоит в объединении класса интеллигенции для того, чтобы превратить старую диктатуру (旧式专制) в сравнительно новую диктатуру (新式独裁)» [7, с. 129]. Дин Вэньцзян полагал, что неустойчивость власти делает Гоминьдан восприимчивым к советам и критике, этим китайская партия отличается от ВКП(б).

Собственную шкалу политических ценностей Дин Вэньцзян представил в виде серии риторических вопросов, которые он задал сам себе, возвращаясь в Китай после поездки в Германию и СССР: «„Если бы у меня был свободный выбор, я бы хотел стать английским или американским рабочим, либо советским интеллигентом?“ Я без сомнения ответил: „Английским или американским рабочим!“ Я ещё спросил: „Хотел бы я быть живущим в Париже русским белоэмигрантом или советским геологом?“ Я также без сомнения ответил: „Советским геологом!“ Если в нынешнем Китае сможет возникнуть новая диктатура, она ещё способна сохранить нашу независимость. В противном случае остаётся только покончить с собой или превратиться в народ, покорённый Японской империей. Я хочу быть техником при диктатуре, не хочу кончать с собой или покоряться Японии!» [7, с. 130].

* * *

С.Р. Белоусов отмечал, что причиной дискуссии о демократии и диктатуре стал вывод части либеральной интеллигенции о «неспособности неэффективной, по их мнению, однопартийной диктатуры чанкайшистского Гоминьдана удовлетворительно решить наиболее насущную задачу — объединение страны» [1, с. 108]. Полемика Ху Ши с Цзян Тинфу и Дин Вэньцзяном показывает, что этот спор включал в себя проблему модернизации Китая, оценку влияния истории страны и её культурной традиции на становление политической системы. Сторонники демократии с большим оптимизмом относились к возможности внедрения в Китае западной либеральной системы. Защитники «диктатуры» заняли скептическую позицию и выступали с позиций китайского национализма.

В смене тематики споров китайских интеллектуалов 1930-х годов можно проследить внутреннюю логику. После дискуссии о модернизации 1933 г. стало ясно, что политический беспорядок мешает воплотить в жизнь планы экономического развития. Завершившаяся в конце 1934 г. дискуссия о демократии и диктатуре вновь заставила задуматься о том, что никакие иностранные модели невозможно скопировать в Китае — будь то англо-американская демократия, фашистская диктатура или советская однопартийная система. Поиски ответа на этот вопрос стимулировали крупномасштабную дискуссию о соотношении культур Китая и Запада, которая развернулась в 1935 г.

Литература

1. *Белусов С.Р.* Дискуссия о демократии и диктатуре // Китайская философия: энциклопедический словарь / Гл. ред. *Титаренко М.Л.* М., 1994. С. 108, 109.
2. *Каткова З.Д.* Цзян Тинфу — учёный и дипломат // Общество и государство в Китае: ХЛ научная конференция (Учёные записки отдела Китая ИВ РАН, вып. 3). М., 2011. С. 181–185.
3. *Майоров В.М.* Цзян Тин-фу // Духовная культура Китая: энциклопедия. Т. 4. Политическая и правовая культура / под ред. *Титаренко М.Л.* и др. М., 2009. С. 713–715.
4. *Переломов Л.С.* Конфуций: «Лунь юй». Исслед., пер. с кит., коммент. Факсимильный текст «Лунь юя» с коммент. Чжу Си. М., 1998.
5. *Fung, Edmund S.K.* In Search of Chinese Democracy: Civil Opposition in Nationalist China, 1929–1949. Cambridge University Press, 2000.
6. *Дин Вэньцзян.* Миньчжу чжэнчжи юй дуцай чжэнчжи (Демократическая политика и диктаторская политика) // Миньчжу хайши дуцай — 70 нянь цянь и чан гуаньюй сяньдайхуа дэ луньчжэн (Демократия или диктатура — дискуссии о модернизации 70 лет назад) / под ред. *Чжи Сяоминя.* Гуанчжоу, 2010. С. 122–124.
7. *Дин Вэньцзян.* Цзай лунь миньчжу юй дуцай (Ещё раз о демократическом правлении и диктатуре) // там же, с. 128–130.
8. *Ху Ши.* Да Дин Цзайцзюнь сяньшэн лунь миньчжу юй дуцай (Отвечаю г-ну Дин Цзайцзюнь и обсуждаю демократию и диктатуру) // Ху Ши вэньцзи (Сочинения Ху Ши): в 12 т. / под ред. *Оуян Чжэшиэна.* Т. 11. Пекин, 1998. С. 529, 530.
9. *Ху Ши.* Цзай лунь цзяньго юй чжуаньчжи (Ещё раз о строительстве государства и диктатуре) // там же, с. 373–378.
10. *Ху Ши.* Цзяньго юй чжуаньчжи (Строительство государства и диктатура) // там же, с. 367–372.
11. *Ху Ши.* Чжунго у дуцай дэ бияо юй кэнэн (Необходимость и возможность отсутствия диктатуры в Китае) // там же, с. 501–506.

12. *Цзян Тинфу*. Гэмин юй чжуаньчжи [Революция и диктатура] // Миньчжу хайши дуцай — 70 нянь цянь и чан гуаньюй сяндайхуа дэ луньчжэн Миньчжу хайши дуцай — 70 нянь цянь и чан гуаньюй сяндайхуа дэ луньчжэн. С. 12–15.

13. *Цзян Тинфу*. Лунь чжуаньчжи бин да Ху Шичжи сяньшэн [Обсуждаю диктатуру и отвечаю г-ну Ху Шичжи] // Миньчжу хайши дуцай — 70 нянь цянь и чан гуаньюй сяндайхуа дэ луньчжэн. С. 27–30.

14. *Чжэн Дахуа*. Миньго сысян ши лунь (Очерк истории мысли Китайской республики). Пекин, 2006.

*A.V. Lomanov**

**Liberalism and Nationalism in the
Debates of Chinese Intellectuals on
Democracy and Dictatorship (1933–1934)**

ABSTRACT

The article is focused on the essence of polemics about choice of political model most favorable for strengthening of China's unity and creating conditions for national development. Liberals deemed possible borrowing of Western democracy, their opponents recommended to rely upon dictatorship of "new type". The discussion illustrated the impossibility of copying foreign political experience in China.

KEYWORDS

Republican China, political system, Hu Shi, Jiang Tingfu, Ding Wenjiang

* Lomanov Alexander Vladimirovich, D-r of History, Institute of Far Eastern Studies, Russian Academy of Science, Moscow, Russia; E-mail: a_lomanov@hotmail.com